

Роберт Лейнонен

Лирика Генриха Гейне на русском языке

Для начала потолкуем о переводе вообще. Очень любопытно, что сказал по этому поводу Гёте (фу, как обозначаются эти иностранные фамилии в русской транскрипции - они же до ужаса искажаются другой звуковой системой языка!) - итак, Goethe сказал о переводчиках - к сожалению, у меня нет подлинника - следующее:

"Переводчики - это хлопотливые сводники, всячески восхваляющие нам полускрытую вуалью красавицу; они возбуждают необоримое стремление к оригиналу."

Вот, оказывается, что такое переводчики: не могут они показать оригинала! Один делает это лучше, художественнее, точнее, почти слово в слово, другой использует только идею, образ...

Вникнуть в проблему перевода, хотя бы приблизительно, может только человек, владеющий хотя бы двумя языками. Людям, которые знают только один язык, этого вообще не понять, а тем, которые владеют несколькими языками и не пробовали своих сил в переводах или не пытались сравнивать подлинников с переводом с известных им языков, тоже многое покажется неожиданным и удивительным. Читатель ведь с подлинником, как правило, не имеет дела. Он читает и воспринимает перевод как самостоятельное произведение, и если оно хорошо звучит, доступно, поэтично, понятно - значит, хорошо! А соответствует ли оно подлиннику или нет - читателя уже не волнует. Так что многое отдано на откуп переводчику и рецензенту, если таковой есть. Но ещё более сложным является перевод поэтических произведений.

К достаточно глубоким и скрупулёзным анализам переводов я приступил почти случайно именно во время учёбы в университете, когда мне задали в зимнем семестре домашнее задание по теме "Die Lyrik von Heinrich Heine" - "Лирика Гейне" по-русски.

Простите, а как же всё-таки правильно? Как же правильно произнести Heine? Это ведь скорее похоже на АЙНЭ с лёгким выдохом вначале (вроде бы зеркальце запотело, надо дыхнуть на него, дыхните - хх! - а теперь слитно за этим произнесите - "хх-АЙНЭ"!).

Вот вам и фамилия великого немецкого поэта! А нам подсовывают ГЕЙНЕ - не было такого поэта!!

Итак, Heine был последним крупным поэтом-романтиком в немецкой литературе, как говорят некоторые литературоведы. Нет, утверждают другие, это был первый поэт эпохи реализма. А правы и те, и другие. Романтизм и реализм в творчестве Heine переплелись и существовали в его лирике рядом друг с другом.

А, позвольте, великий русский поэт Пушкин? С ним как? Не был ли он последним крупным романтиком и первым реалистом в русской литературе? Heine и Пушкин - почти ровесники, Heine всего на два года старше. Пушкин начал с романтизма, как и Heine. Это было не только основным направлением искусства того времени, но и м о д о й. Об этом свидетельствует Пушкин в "Евгении Онегине".

Владимир Ленский - один из героев романа. Между прочим, он ведь условно мог учиться вместе с Heine в Геттингене! Пушкин говорит: "С душою геттингенской...", т.е. романтической, "поклонник Канта (то-бишь, философ) и поэт". Вот и на это была мода!..

А что же он сочинял - этот поэт? Оказывается, он "*пел разлуку и печаль, и нечто, и туманну даль*" (курсив Пушкина). "*Он пел поблеклой жизни цвет без малого в осьмнадцать лет*". Вот она, мода-то, что делает!

Вернулся Ленский снова домой, с туманными романтическими мечтами в голове. Он ищет себе героиню, находит Ольгу, и наделяет её чертами, которых у неё и вообще нет. Пишет ей, словами Пушкина, какую-то любовную чепуху: "Его стихи полны любовной чепухи!".

Сочиняет стихи перед дуэлью, где видит себя пронзённым стрелой ("Паду ли я, стрелой пронзённый!"), хотя стрелялись на пистолетах. И здесь он снова витает где-то в выдуманном мире модной романтики.

Так, чуть иронизируя над своим героем, пишет Пушкин, уже расставшись с "Цыганами" и "Кавказским пленником" - он уже в "Онегине", в другой эпохе - он уже боится вместе со своим главным героем, не наделала б беды "брусничная вода", а луна на небосклоне для него уже спутник Земли, не более.

Ну, хорошо! Ленский - это поэт. Воспитывался в атмосфере романтической тогда Германии и, надо полагать, долго ещё преодолевал бы её влияние, прежде чем стал бы смотреть на мир нормальными глазами здравомыслящего человека уже следующей эпохи.

А девушки? Вот они, соседки, встречают молодых людей: "потом приносят и гитару, и запищит она (бог мой!): Приди в чертог ко мне златой!" И опять мода на романсы под гитару.

А Ольга? Его "кумир": "... но Вы любой роман возьмите, и найдёте, верно, её портрет: он очень мил...". Оленька - типичный для всех эпох и миров представитель женского рода, не имеющий собственных мнений и понятий. Куда ветер дует - туда и мы. Иными словами, виноват, дура набитая. Этих всегда было полно, и сегодня тоже.

Пушкин опять же слегка прошёлся по ней: "Недолго плакала она..." - укатила Оленька с уланом каким-то, быстро забыв убитого на дуэли поклонника, и стала, простите за грубость, обыкновенной бабой, каких полон свет. И вся романтика на том и лопнула. Началась жизнь, серая, обычная, будничная. И стала Ольга рядовой домохозяйкой безо всяких модных вздыханий на луну или на очередного рок-стара.

А можно ли быть романтиком или рок-старом не по моде, а по движению души человеческой? Можно ли опять же не по моде, а по внутреннему зову той же души стать истым реалистом или от рока вернуться к джазу? Можно, и это нормально! Человек всё может, не обманывая себя и кого-то, искренне и прямо, и не исключено в огромной внутренней борьбе и с болью сердца... Но не дуры, естественно.

Мода... Тогда одна - сегодня другая...

Кстати, попытайтесь себе представить реальных по возрасту Онегиных, Ленских, Ольг и Татьян. Нам это довольно трудно, поскольку Чайковский наградил нас прекрасной оперой, где по законам оперного искусства девчонок 17 лет и таких же почти (извините) соплячков-романтиков исстари играют полные дамы и солидные мужчины. И персонажи "Онегина" невольно зрительно приходят в нашу жизнь вполне взрослыми людьми, к чему мы и привыкаем.

Реального героя из "Евгения Онегина" Пушкина мы не видели в жизни... Хотя сегодня они встречаются повсеместно в другом виде, часто бездарными, с окрашенными в фиолетовый цвет волосами и кольцами в носу. Это они же, только из нашей эпохи - оторвитесь, пожалуйста, от великолепной оперы и её героев! Взгляните на мир открытыми глазами!

Хотя Heine вроде бы учился с Ленским, он перерос своих сверстников, он раскусил и сбросил мишуру тогдашних веяний.

В творчестве Heine часто сталкиваются романтик и реалист. Но реализм Heine состоит, очевидно, ещё и в том, что он яростно бичует в своих стихах дурость человеческую, сверстников своих, "стиляг" своего времени, тех самых "романтиков" по моде, которые в самом романтизме ни уха, ни рыла не смыслят.

Heine любит природу, ценит и понимает её красоту, удивительно поэтично её описывает, но одновременно и издевается над "Ольгами", которые сами в этом ничего не понимают и вздыхают только потому, что сегодня так делают все.

Вот мы, наконец, и подобрались к тому примеру, с которого я и хотел начать.

Взгляните, пожалуйста, на Ольгу у Heine.

Das Fräulein stand am Meere
Und seufzte lang und bang,
Es rührte sie so sehre
Der Sonnenuntergang.

Mein Fräulein, sein Sie munter,
Das ist ein altes Stück,
Hier vorne geht sie unter
Und kehrt von hinten zurück.

seufzen - вздыхать, стонать;
bang - с тоской, с боязнью;
rühren - трогать, растрогать;
munter - бодрый, т.е. не грустите!
das Stück - штучка, трюк;
untergehen - заходить (о солнце);
zurückkehren - возвращаться;
von hinten - сзади;
der Hintern - зад, в смысле "задница".

Прежде всего попытаемся вместе понять содержание подлинника. Без этого никакой оценки переводов сделать нельзя. Привожу подстрочный перевод, который мы вместе с вами с помощью словарика сделали:

Стоит возле моря фройляйн (очень интересное для перевода на русский язык слово, ужасно трудно перевести для сегодняшнего читателя несуществующее в "нечетном" русском языке обращение - "фройляйн!"), девушка по-нашему, и вздыхает на закат. Heine удивительно красочно описывает картины природы, сам ею восторгаясь до безумия. Он романтик - видит и понимает красоту.

А эта дура что вздыхает? По моде вздыхает она! Это - Ольга! До лампочки ей этот восход и заход! Сегодня она, может быть, с таким же вниманием и с абсолютно таким же непониманием слушала бы новейшую музыку - тяжёлый бит - на портативном или стереомагнитофоне. Heine её высмеивает. Дура! - это астрономическое явление! Нечего вздыхать! Вот глянь, - впереди зашло, а с з а д у опять выйдет. Я уверен, что намёк именно на зад. Это - издёвка! Мне даже кажется, что поэт в этот миг кладёт руку на шею этой бравой девице и наклоняет её в глубоком земном поклоне ниц, чтобы она сквозь расставленные в стороны ноги могла увидеть, откуда же завтра солнце встанет. Сравните: hinten - Hintern. Для Heine это типичный приём - начало одно, вроде, красиво, здорово, замечательно, романтично - и вдруг обухом по голове! - отрезвление, реализм, ничего и нет! Всё чушь! Выдумали себе, ни черта не смыслите в красоте, в любви, только языками чешете.

А теперь для сравнения с подлинником привожу четыре профессиональных перевода этого стихотворения:

Раз барышня стояла
Над морем в поздний час
И горестно вздыхала,
Что солнца луч погас.

Вот, барышня, в чём дело:
У солнца трюк такой:
Оно пред вами село,
А встанет за спиной.

А. Мушников

Стояла барышня у моря,
Вздыхая долго, тяжело;
От сожаления и горя,
Что в море солнышко зашло.

Девица, стоя у моря,
Вздыхала сто раз подряд -
Такое внушал ей горе
Солнечный закат.

Девица, будьте спокойней,
Не стоит об этом вздыхать.
Вот здесь оно впереди тонет
И всходит сзади опять.

Ю. Тынянов

Девица у причала,
Подъемля к небу взгляд,
Стонала и вздыхала,
Когда пылал закат.

Утешьтесь, барышня! Светило
 Давно уж так игру ведёт:
 Сегодня спереди уплыло,
 А завтра сзади вновь встаёт.

(Автор мне неизвестен - 1904 год.)

И что девица стонет?
 У солнца старый трюк:
 Там, спереди, потонет,
 А сзади всходит вдруг.
 В. Левик

У переводов даже размер стихотворный другой! У первого - как в подлиннике. Перевод где-то точнее у одного переводчика, где-то у другого.

Теперь попытаюсь дать предельно точный подстрочник:

„У моря стояла девушка и протяжно вздыхала с тоской, уж очень её растрогал закат солнца. Девушка! Не грустите! Это старый трюк: здесь, впереди, оно заходит, а с з а д у возвращается.“

Однажды одна из женщин, которой я написал несколько стихов, вдруг спросила меня: - А стоило ли тебе ломать столько времени голову над рифмами, ритмами и всякими там эпитетами, если это можно было сказать коротко и ясно нормальным русским языком?

Вот этот подстрочник вверху и есть образец такой "прозы". Мог ли бы Heine, "пиша" такую прозу вместо стихов, стать всемирной известностью?

На всемирную известность я не претендую, но вопрос, заданный моей приятельницей, не пустой.

В самом деле - в чём же дело? Видимо, передача мысли человеческой производится разными способами, не только языками разными - тут и язык жестов - тут и вообще неизвестно какой язык: глазами, взглядами, улыбками и Бог весть как!

Значит и поэзия разновидность этих "языков", и она имеет свои особые приёмы, свой почерк, свою м у з ы к у, музыку стиха тоже.

А вот стихотворение, которое, пожалуй, всем вам известно со школьной скамьи. Один почтенный мужчина даже чуть не возмутился, когда я ему сказал, что это стихи Г. Гейне:

- Как так? Это же Лермонтов! Мы его в школе учили!

Итак:

Ein Fichtenbaum steht einsam
 Im Norden auf kahler Höh'.
 Ihm schläferf; mit weißer Decke
 Umhüllen ihn Eis und Schnee.

Er träumt von einer Palme,
 Die fern im Morgenland
 Einsam und schweigend trauert
 Auf brennender Felsenwand.

Словарик:

der Fichtenbaum - пихта, ель;

einsam - одинокий;

kahl - голый;

die Höhe - высота, вершина;

schläferf - подрёмывать, клонить ко сну;

die Decke - одеяло;

umhüllen - укрывать;

träumen - видеть во сне;

fern - далёкий;

das Morgenland - Ближний Восток;

schweigend - молча;
 trauern - горевать;
 brennend - горячий, знойный;
 die Felsenwand - скала, скальная стена, утёс.

А теперь "стихотворение М.Ю.Лермонтова", а точнее, перевод стихотворения Heine:

На севере диком стоит одиноко
 На голой вершине сосна,
 И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
 Одеята как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой -
 В том крае, где солнца восход,
 Одна и грустна на утёсе горячем
 Прекрасная пальма растёт.

Слов нет - стихотворение у Лермонтова получилось хорошее, красивое, поэтичное. Но это не Heine... По сути дела, это самостоятельное стихотворение. Лермонтов, растянув строку с семи слогов до двенадцати, естественно, кое-где был вынужден добавить слов, которых у Heine вообще нет. Например: "на севере диком...", "дремлет, качаясь", "снегом сыпучим", "в пустыне далёкой", "прекрасная пальма".

"Одеяло" у него превратилось в "р и з у". Это объяснимо для православного Лермонтова - сравнение сверкающего снежного наряда с ризой попа. Но вряд ли приемлемо для яркого атеиста Heine в поэтическом для него образе. К тому же лютеранские проповедники Германии в ризу не облачаются, разве только католики.

Для сравнения я сразу же приведу ещё два перевода этого стихотворения:

На севере кедр одиноко
 На голой вершине растёт,
 Он спит; одеялом белым
 Укрыл его снег и лёд.

Он видит сон о пальме,
 Что в дальней, восточной земле
 Грустит одиноко и молча
 На раскалённой скале.

В. Гиппиус

На северной, голой вершине
 Дуб одинокий стоит;
 Он дремлет - и льдом, и снегами,
 Как саваном белым, покрыт.

И бедному грезится пальма,
 Что в дальней, восточной земле
 Нема, одиноко горюет
 На солнцем сожжённой скале.

П. Вейнберг (?)

Эти два перевода по ритму стиха ближе к подлиннику. И оба перевода точнее Лермонтовского.

Хотелось бы обратить внимание на очень существенную деталь: в этих трёх переводах фигурируют т р и разные породы деревьев! Почему?

Видимо, тут сыграло значение и ударение, и размер стиха у переводчиков.

Во всяком случае, у Heine это "пихта" (или "ель"? - немцы не очень различают, по-видимому, эти породы, потому и слово одно), Лермонтов предпочёл "сосну" (должно быть, поэтичнее звучит, чем "пихта"), Гиппиус выбрал "кедр", а третий переводчик даже лиственное дерево - "дуб".

Важно ли это? Важно! Образы Heine, его поэтические образы, скорбят в одиночестве. Один на холодном севере, другая - в знойной пустыне. Д р у г а я ! Она! О Н и О Н А - вот в чём соль!

Heine употребляет слово „Fichtenbaum“ (дерево-пихта), на немецком это слово мужского рода, а пальма, как и в русском, - женского. Он и она, двое горемык, оба страдают, оба в одиночестве. Не в этом ли состоит идея стихотворения!

"...Лермонтов женским родом сосны отнял у образа всю его любовную устремлённость и превратил сильную мужскую любовь в прекраснотушнные мечты..." - так считает известный лингвист академик Л. В. Щерба (Я нашёл это высказывание случайно где-то в начале 1989 г., после того как сам уже пришёл к этому мнению).

В переводе Лермонтова эта смысловая тонкость исчезла, умерла для читателя. Сосна и пальма - два слова женского рода.

Гиппиус и Вейнберг (?) сохранили поэтические образы Е Г О и Е Ё, превратив "пихту" (или "ель") в "кедр" и "дуб". Тут оба слова - мужского рода. Замена эта весьма оправдана. Переводчик обязан передавать и идею.

А теперь ещё одна деталь, значительная неточность перевода, которая приводит к географическому абсурду, который читатель - уверяю вас! - не замечает.

Дерево на севере видит во сне пальму (для Heine, в принципе, безразлично, где расположен этот "север": в Германии, в Европе, в Азии). "Пальма" по переводам растёт: "на раскалённой скале", "в пустыне далёкой", на "утёсе горячем", "в далёкой, восточной стране" (т. е. на востоке), "в том крае, где солнца восход" (т. е. тоже на востоке или на юго-востоке). Ну, пусть это дерево-герой в первом приближении стоит в Германии (правда, у Лермонтова "на севере диком", т. е. явно не в Германии). Если исходить из этого, то "пальма" у Гиппиус находится где-то в России, что ли? Или ещё дальше - в Сибири, в Приамурье, в Японии наконец. Но ведь там пустынь и зноя нигде нет! Да к тому же "дикий кедр" в Германии тоже не растёт. Значит, дерево находится не в Германии. На севере Европы? Оттуда путь на Восток опять же к пустыням и жаре не приведёт.

Попробуем отыскать "пальму" у Лермонтова, "в том крае, где солнца восход...". Значит, в стране восходящего солнца? Опять Япония? Хорошо. Зимнее солнце восходит на юго-востоке. Может, здесь собака зарыта? Поищем. Опять в лучшем случае уходим в Центральную Азию, в Монголию, Гималаи. И снова нет "раскалённых скал" с пальмами на вершине!

В чём же дело? Кто ошибся? Heine? Нет, Heine очень точно определил место, где горюет пальма. "Morgenland" называет это место Heine. Это не направление, как у переводчиков. Это точное географическое понятие, место, область, район. Это Ближний Восток! "Ливант", как раньше это место называлось и в России. Здесь разворачивались события, описанные в Новом Завете, сюда направлялась экспанция Древнего Рима, сюда потом шли крестоносцы, освобождая гроб господен.

Да, конечно, в Древнем мире, в Греции и Риме, это был Восток, "край, где солнца восход", и притом, восток не очень далёкий: море переплыл - вот тебе и восток! Но ведь это было только для Рима и Греции! Все переводчики потеряли в переводах эту деталь, и это привело к географическому ляпсусу...

Есть ещё один известный перевод М. Ю. Лермонтова. Правда, здесь речь не о Heine, а о великом Гёте.

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты...

Прекрасное стихотворение! Я очень его люблю. И за красоту и удивительную художественность образов и глубокий философский смысл - придёт и твой конец, потерпи ещё немножко...

Стихотворение не имеет заголовка. А ведь у Гёте есть: ("Wanderes Nachtlid") "Песнь путника". В сборнике стихотворений Гёте за этим произведением почти непосредственно следует ("Jägers Abendlied") "Вечерняя песня охотника" и на другой странице ещё одна песня путника.

Что это за странные песенки? Откуда взялась эта тема?

В Германии тех времён не было ещё ни автобусов, ни "Интерсити". Кареты стоили огромных денег, и простой люд вынужден был странствовать пёхом. Много бродило путников по дорогам страны, кучками и по одиночке. Идёт такой бедолага по длинной дороге, а кругом красотища! Горы, долины, леса, поля - волей-неволей запоёшь! Вот и пели путники эти дорожные песни. Сами сочиняли или кто-то им сочинял...

Ночь уже наступает, всё стихло, птички смолкли, и где-то удастся сегодня переспать? Ну что ж! Подождём немного - там и отдохнуть можно будет...

Чрезвычайно простой сюжет из реальности тогдашней жизни. И ни о какой философии и о смерти речи нет! Найти бы домишко, перекусить бы на сон грядущий и завалиться на сеновале, протянув ноги! Завтра ведь с утра снова в путь...

Вот подорожные песни путников!.. Я даже не уверен, усмотрел ли сам Гёте философию смерти в этой песенке. Если даже и да, только весьма осторожно и прозрачно. Да и вряд ли этим молодым парням - ремесленникам и студентам, только начинающим свою жизнь - могла придти на ум мысль о скорой кончине.

Ну, вот к примеру одна из таких песенок (не знаю автора!), которую ещё мама нам пела перед сном... Она нам тогда много пела колыбельных и разных других песен...

Ein Sträuslein am Hute,
Den Stab in der Hand
Geht lustig ein Wandrer
Von Lande zu Land.
Er trifft manches Städtchen,
Er trifft manchen Ort.
Aber fort muß er weiter,
Muß w - i - i - ieder fort...

Где тут мистика, пессимистика? Где тёмные мысли о смерти? Я ещё раз повторяю, что стихотворение Лермонтова мне очень нравится. Но давайте попробуем теперь сопоставить подлинник и перевод, если это вообще можно назвать переводом.

Goethe	(подстрочник) (Interlinearübersetzung)	Лермонтов
Über allen Gipfeln Ist Ruh, In allen Wipfeln Spürest du Kaum einen Hauch, Die Vöglein schweigen im Walde. Warte nur, balde Ruhest du auch.	Надо всеми вершинами (гор) Тишина. Во всех вершинах (деревьев) Не учуешь И лёгкого дуновения. Молчат пичужки в лесу. Подожди же, скоро Отдохнёшь и ты.	Горные вершины Спят во тьме ночной; Тихие долины Полны свежей мглой; Не пылит дорога, Не дрожат листья... Подожди немного, Отдохнёшь и ты...

Вот теперь можно и сравнивать, что осталось от подлинника. Уж не "горные вершины" ли и "отдохнёшь и ты"? Появились и тихие долины, и пылящие дороги, и свежая мгла, и дрожащие листья. Где Гёте? От него ничего не осталось, хотя Лермонтов и создал прекрасное стихотворение. А читатель воображает, что так писал Гёте! Враньё!

А вот Майков оказался честнее. Он называет свои работы на эту тему "Переводы и в а р и а ц и и Гейне". Вариации! На что сегодня может рассчитывать читатель? На честность и талант переводчика, на его знания, культуру... Откуда им взяться, сегодня-то...

Переводчик - это особая профессия. Это великолепное знание языков, это высокая общая культура, добросовестность, трудолюбие и, конечно, талант переводчика, которому запрещено что-либо улучшать, шлифовать, вносить свою личную точку зрения или концепцию - он должен быть точным передатчиком автора -

даже если тот ошибается, если можно найти лучшее решение, ритм, метафору, эпитет. Читатель должен почувствовать Гёте, Хайне, Байрона, а не Лермонтова, Жуковского или ещё кого-то, кто решился переводить.